

Поспелов И. Г., прот. Воспоминания о светлейшем князе А. А. Суворове, бывшем Рижском генерал-губернаторе, и о некоторых других деятелях в пользу Православия в Остзейском крае // Богословский вестник 1898. Т. 3. № 9. С. 310–330 (2-я пагин.).

ВОСПОМИНАНІЯ

о Свѣтлѣйшемъ князѣ А. А. Суворовѣ, бывшемъ Рижскомъ генераль-губернаторѣ и о нѣкоторыхъ другихъ дѣятеляхъ въ пользу православія въ Остзейскомъ краѣ.

Князь Суворовъ сталъ мнѣ извѣстенъ, когда онъ былъ назначенъ въ 1847 г. губернаторомъ въ Кострому. Въ этотъ несчастный годъ Кострома опустошена была страшнымъ пожаромъ; горѣла она не одинъ, а много разъ: обычно—подбрасывались письма, предвѣщавшія пожаръ и пожаръ начинался и въ указанное время и въ указанномъ мѣстѣ. Многочисленные пожары, иные слишкомъ великіе, повергли жителей Костромы въ ужасъ: не только погорѣвшіе выносили свои имущества на площади и за городъ, но и еще уцѣлѣвшіе отъ несчастія дѣлали тоже. Подметныя письма, предвѣщавшія пожары, ясно указывали, что пожары производила злодѣйская рука. Въ это время въ Костромѣ строился памятникъ незабвенному Костромичу—Ивану Сусанину, пожертвовавшему своею жизнію за спасеніе царя. Такъ какъ Сусанинъ былъ убитъ поляками, то жители Костромы заподозрили въ поджогахъ проживающихъ въ Костромѣ поляковъ; они думали, что поляки мстятъ Костромѣ за то, что въ ней ставится памятникъ въ обличеніе ихъ предковъ—убійць Сусанина. Тогдашній Костромской губернаторъ Григорьевъ, основываясь на этихъ слухахъ, а можетъ и на извѣстныхъ ему данныхъ, арестовалъ нѣкоторыхъ поляковъ и посадилъ ихъ въ тюрьму. Арестованные подали на губернатора сильную жалобу за то, что онъ ихъ—невинныхъ заключилъ въ тюрьму. Высшее начальство взяло этой жалобѣ, и удалило изъ Костромы Григорьева и послало для разслѣдованія дѣла и успокоенія жителей свѣтлѣйшаго

князя Суворова. Новый губернаторъ призналъ заключенныхъ невинными и немедленно освободилъ ихъ изъ подѣ стражи, а дѣйствія бывшаго губернатора Григорьева призналъ неосновательными и Григорьевъ, какъ слышно, подвергся сильной опалѣ.

Свѣтлѣйшій князь Суворовъ недолго управлялъ Костромскою губерніею: въ слѣдующемъ 1848 году онъ былъ назначенъ въ Ригу генераль-губернаторомъ Остзейскаго края. Ранѣе его въ Ригѣ былъ генераль-губернаторомъ Головинъ, который, по убѣжденію Рижскаго епископа Филарета (Гумилевскаго) подѣ влияніемъ нѣмцевъ-лютеранъ, не совсѣмъ дѣятельно трудился для пользы православія въ Лифляндіи; едва ли не по настоянію Рижскаго архипастыря, Головинъ и былъ переведенъ на другой постъ. Но увы! не на радость преосвященнаго Филарета былъ назначенъ губернаторомъ князь Суворовъ. Онъ поддался еще большему влиянію нѣмцевъ-лютеранъ, чѣмъ его предшественникъ и, по мнѣнію преосвященнаго, явно дѣйствовалъ во вредъ православной церкви. Строгий ревнитель православія — преосвященный не могъ вытерпѣть дѣйствій генераль-губернатора, служавшихъ не къ пользѣ православія, и сталъ посылать жалобы въ Свѣтлѣйшій Синодъ. Но эти жалобы привели только къ тому, что самого преосвященнаго Филарета перевели изъ Риги въ Харьковъ. Преосвященный выбылъ изъ Риги 30-го ноября 1848 года, наканунѣ дня своего ангела.

Окончивъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1848 году и по своему желанію назначенный въ Лифляндію для поступленія тамъ на мѣсто священника, я прибылъ въ Ригу 31-го октября того же года и на другой же день явился преосвященному Филарету, которымъ на слѣдующій день, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ А. А. Вѣликовымъ, представленъ его свѣтлости генераль-губернатору Суворову. Принялъ онъ насъ ласково въ своемъ кабинетѣ, между прочимъ спросилъ насъ, какой мы губерніи? Мы отвѣчали: „Костромской“. — „Въ этой губерніи у меня есть имѣніе“, — сказалъ князь, — „и именно въ селѣ“, но имя села онъ забылъ; зная это село, я подсказалъ ему: „Сараевъ“. — „Да, да, Сараевъ, какъ вы знаете это село?“ Я сказалъ, что это село близъ моей родины. „Такъ вы вотъ мнѣ еще приходитесь землякомъ“, — сказалъ шутливо князь. Это было пер-

вое мое личное знакомство съ княземъ. Сколько помню, во второй разъ я представлялся свѣтлѣйшему князю на почтовой станціи города Вольмара, куда я въ 1848 году былъ опредѣленъ, а въ 1849 году посвященъ въ священника.

Внимательный ко мнѣ полицейскій чиновникъ города Вольмара увѣдомилъ меня о скоромъ прибытіи на Вольмарскую станцію генераль-губернатора и предложилъ мнѣ явиться къ нему. Съ охотою прибылъ я на почтовую станцію, гдѣ уже пашель высшее Вольмарское начальство и между нимъ знаменитаго Вольмарскаго пастора Вальтера. Полицейскій чиновникъ познакомилъ меня съ пасторомъ и мы съ нимъ дружелюбно разговаривали. Рѣчь коснулась и предшественника моего Вольмарскаго священника, который, по мнѣнію пастора, напрасно подавалъ на него жалобы за дѣйствія во вредъ православію, но посудите сами, отецъ, говорилъ мнѣ пасторъ, развѣ я могу, какъ служитель лютеранской церкви, не утверждать въ лютеранствѣ моихъ прихожанъ, развѣ не могу убѣждать ихъ оставаться въ лютеранской вѣрѣ, вѣрѣ ихъ отцовъ и дѣдовъ. Если я не буду такъ дѣйствовать, то я буду недостойнымъ пастыремъ своей церкви. Не знаю я, на что жаловался на васъ мой предшественникъ, отвѣчалъ я ему, но если вы въ своихъ убѣжденіяхъ прихожанамъ быть твердыми въ лютеранствѣ дѣлали неблагопріятные отзывы о православной церкви, если вы сильно порицали принявшихъ православіе и грозили имъ за отступничество отъ лютеранства муками ада, то вы дѣйствовали, по моему мнѣнію, не согласно съ законами русскаго государства, обѣгающими господствующую вѣру отъ порицаній, и мой предшественникъ имѣлъ право приносить на васъ жалобу, „но я увѣренъ, прибавилъ я, что между нами будетъ миръ, и я и вы не подадимъ повода къ жалобѣ другъ на друга“. Пасторъ согласился жить со мною въ полномъ мирѣ.

Между тѣмъ генераль-губернаторъ Суворовъ замедлилъ своимъ пріѣздомъ, а пасторъ Вальтеръ по какимъ-то обстоятельствамъ не могъ долше оставаться на почтовой станціи и просилъ меня передать свѣтлѣйшему свое глубокое уваженіе, а равно и извиниться за него, что онъ по неотложнымъ обстоятельствамъ не могъ дожидаться его и лично представиться ему.

По прибытіи свѣтлѣйшаго князя Суворова, всѣ находящіеся на станціи встрѣтили его и представились ему. Со всѣми, равно и со мной, князь встрѣтился какъ со знакомыми ему и ласково поздоровался; я передалъ отъ пастора Вальтера почтеніе и извиненіе. Князь выразилъ удовольствіе, что я познакомился съ этимъ уважаемымъ пасторомъ и просилъ меня передать ему свое почтеніе. Такъ какъ дѣло происходило передъ праздникомъ Рождества Христова, то я на другой или третій день этого праздника счелъ своею обязанностью исполнить данное мнѣ княземъ порученіе и отправился въ Вольмарскій пасторатъ, чтобы лично передать пастору почтеніе свѣтлѣйшаго князя. Пасторъ ласково принялъ меня, какъ уже знакомаго ему священника, и я сверхъ даннаго мнѣ порученія поздравилъ его съ великимъ христіанскомъ праздникомъ Рождества Христова. Въ большомъ залѣ пасторскаго помѣщенія я нашелъ огромную ель, которая наканунѣ праздника Рождества Христова зажигалась при немаломъ стеченіи бѣдныхъ дѣтей, равно и прислуги пастора. Самъ пасторъ обычно говорилъ собравшимся наставленіе и дарилъ ихъ разными подарками. Не долго я оставался у пастора; исполнивъ свое порученіе, я отправился домой.

Не помню, черезъ какое время, но пасторъ Вальтеръ, къ удивленію Вольмарскихъ гражданъ и особенно лютеранъ, отдалъ мнѣ мой визитъ ему. Я постарался быть къ нему почтителенъ, предложивъ ему чай.

Пасторъ, при посѣщеніи меня, завелъ со мною разговоръ о пресуществленіи въ таинствѣ причащенія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову. Разумѣется, я доказывалъ ему пресуществленіе, а пасторъ Вальтеръ отвергалъ его и каждый изъ насъ остался при своемъ убѣжденіи.

Свѣтлѣйшій князь Суворовъ довольно часто проѣзжалъ черезъ городъ Вольмаръ: этотъ городъ стоитъ на пути въ Петербургъ, въ Дерптъ и Ревель, равно и въ другіе города Эстляндіи и Лифляндіи. Когда я бывалъ дома и меня извѣщали о проѣздѣ черезъ Вольмаръ князя, я обычно являлся на почтовую станцію.

Въ одну встрѣчу я обратился къ нему съ просьбою.

Не узнавши, въ чемъ состоитъ моя просьба, Суворовъ изъявилъ видимое неудовольствіе; онъ подумалъ, что я хочу

жаловаться на кого нибудь изъ нѣмцевъ-лютеранъ. Жалобы эти были очень непріятны князю и онъ прямо спросилъ меня: „уже не жалоба ли, батюшка?“ „Нѣтъ, Ваша свѣтлость“, отвѣчалъ я ему, а покорнѣйше прошу Вашу свѣтлость передать мою усердную благодарность Вольмарскому городскому управленію, за готовность его безвозмездно уступить нужную для православнаго кладбища часть земли. Князь Суворовъ готовъ былъ меня обнять за такую мою просьбу и сказалъ мнѣ: „вотъ этого я только и ожидалъ отъ своего земляка“ и, обратясь къ представителямъ города бывшимъ при немъ, онъ на нѣмецкомъ языкѣ выразилъ свое удовольствіе и мою благодарность за ихъ вниманіе къ нуждамъ православной церкви.

Помню еще, что я встрѣчалъ свѣтлѣйшаго князя на Вольмарской станціи, когда онъ возвращался въ Ригу изъ Ревеля. Князь ѣздилъ необыкновенно скоро; обычно его везли двадцать верстъ въ часъ; такъ быстро ѣздилъ только онъ, да государь императоръ.

Поздоровавшись со мной, онъ сказалъ мнѣ, что онъ изъ Ревеля выѣхалъ тогда-то, и вотъ ужъ онъ въ Вольмарѣ. Оказалось, что онъ ѣхалъ необыкновенно скоро. Я впрочемъ не выразилъ удивленія такой скорости его ѣзды и сказалъ ему: „Что-же въ этомъ удивительнаго, Ваша свѣтлость? Вѣдь вы Суворовъ!“ Улыбнулся князь и заговорилъ о другомъ.

Когда я былъ еще Вольмарскимъ благочиннымъ, мнѣ пришлось произвестъ слѣдствіе о моемъ предшественникѣ Лемзальскомъ священникѣ Стефанѣ Меньшиковѣ, котораго князь Суворовъ очень не жаловалъ. Едва-ли не по особенному его настоянію Меньшиковъ принужденъ былъ отказаться отъ должности благочиннаго. Во время одной его отлучки изъ Лемзалья, въ Лемзаль привезенъ былъ для погребенія умершей пограничный стражникъ; за отсутствіемъ священника покойника не кому было отпѣвать и привезшіе его военные вырыли могилу и закопали его безъ отпѣванія, оставивъ для передачи священнику бумагу отъ начальника пограничной стражи, который просилъ причтъ похоронить православнаго воина на православномъ кладбищѣ. Веротся домой, священникъ Меньшиковъ, найдя эту бумагу, чуть-ли не черезъ мѣсяць отвѣчалъ начальнику пограничной стражи,

что онъ не похоронилъ умершаго стражника и не будетъ хоронить, пока не будетъ увѣдомленъ о причинѣ смерти покойника. Эта бумага священника Меньшикова передана была чрезъ начальство самому генераль-губернатору съ поясненіемъ, что православный священникъ отказывается хоронить православнаго воина, хотя послѣ его смерти прошло почти цѣлый мѣсяцъ.

Страшно разгнѣвался князь на священника Меньшикова и оффиціально требовалъ отъ Рижскаго епископа предать Меньшикова суду и строгому наказанію. Преосвященный Платонъ поручилъ произвести слѣдствіе мнѣ при Венденскомъ Орлуноксъ-рихтерѣ (всправникѣ), которому генераль-губернаторъ приказалъ быть самымъ строгимъ слѣдователемъ дѣла о Меньшиковѣ. На слѣдствіи оказалось, что Меньшиковъ только неостороженъ былъ въ своихъ выраженіяхъ въ оффиціальной бумагѣ къ начальнику пограничной стражи. Онъ не хотѣлъ хоронить стражника, а только указывалъ на неполноту свѣдѣній объ умершемъ. Если умершій былъ самоубійца, то его и не слѣдовало погребать по христіанскому обряду, и священникъ Меньшиковъ, какъ уволенный уже отъ должности благочиннаго не былъ подвергнутъ наказанію, а только сдѣлано ему внушеніе, чтобы онъ осторожнѣе и точнѣе выражался въ своихъ оффиціальныхъ бумагахъ.

По волѣ архипастыря, перемѣщенный въ 1859 году изъ города Вольмара въ Венденъ, два раза я имѣлъ случай всрѣчать въ этомъ городѣ свѣтлѣйшаго князя. Въ первый разъ я его встрѣтилъ въ тюремномъ помѣщеніи; какъ членъ тюремнаго комитета я былъ извѣщенъ о посѣщеніи тюрьмы его свѣтлостью. Когда я ему представился, онъ по латышъ спросилъ меня, доволенъ-ли я Венденскимъ свѣтскимъ начальствомъ. Въ то время я еще не имѣлъ причины жаловаться на это начальство и отвѣчалъ ему тоже по латыни, что я вполне доволенъ имъ, что видимо было очень пріятно князю. Въ тюрьмѣ заключенъ былъ одинъ бродяга; подозрѣвали, что онъ военный дезертиръ, что подтверждали, какъ говорили свидѣтельствовавшіе его, — знаки на его тѣлѣ отъ того, что онъ былъ проводимъ сквозь строй. Суворовъ и другіе окружавшіе этого дезертира стали убѣждать его признаться въ своей винѣ. Арестантъ повалился

въ ноги князю и признался. Генераль-губернаторъ предложилъ кому слѣдуетъ—оказать арестанту всевозможныя снисхожденія за его признаніе.

Въ другой разъ при мнѣ генераль Суворовъ посѣтилъ Венденъ, когда проѣзжалъ въ Петербургъ на погребеніе скончавшейся императрицы Александры Ѳеодоровы. Это было въ воскресный день и я служилъ литургію. Мнѣ дали знать, что сейчасъ прибудетъ въ церковь свѣтлѣйшій князь. Пришелъ онъ въ церковь окруженный Венденскимъ высшимъ начальствомъ, а равно и съ сопровождавшими его чиновниками. Въ это воскресенье назначено было сказать въ Венденской церкви чередную проповѣдь одному сельскому священнику, сколько помню Альтъ-Шебалькскому. Такъ какъ въ это время нѣкоторые изъ православныхъ латышей готовились къ приобщенію св. таинъ, то служба отправлялась на половину по славянски и на половину по латышски, почему и проповѣднику, написавшему проповѣдь по русски, предъ литургіею я далъ совѣтъ послѣ произнесенія проповѣди по русски, сказать коротко ея содержаніе и по латышски для назиданія латышей. Слѣдуя моему совѣту, священникъ при князѣ Суворовѣ и его спутникахъ сказавши проповѣдь по русски, сдѣлалъ наставленіе и латышамъ, кратко повторивъ содержаніе своей русской проповѣди. Но такъ какъ это латышское наставленіе имъ не было написано, то проповѣдникъ въ латышской своей рѣчи спутался и сказалъ ее очень нескладно; можетъ быть онъ смутился присутствіемъ въ церкви генераль-губернатора и другихъ важныхъ лицъ. Услышавъ въ алтарѣ неудачную латышскую рѣчь проповѣдника и желая загладить непріятное впечатлѣніе отъ этой рѣчи въ хорошо понимавшихъ латышскій языкъ свѣтскихъ чиновникахъ, предъ самымъ приобщеніемъ православныхъ латышей, я имъ сказалъ краткое наставленіе по латышски. По окончаніи литургіи, князь подошелъ ко кресту и объявилъ мнѣ о кончинѣ императрицы, которая на эктеніи была поминаема какъ живая, а пока прикладывались ко кресту другіе и я разоблачался, онъ осматривалъ церковь. Церковь Венденская дѣйствительно замѣчательна по архитектурѣ; планъ ея, сколько помню, былъ составленъ знаменитымъ архитекторомъ Монферраномъ. Похваливъ храмъ, Суворовъ съ неодобреніемъ ото-

звался о латышскомъ проповѣдникѣ. „Я, говорилъ онъ мнѣ, не понимаю латышскаго языка, но я спросилъ исправника, что говорить проповѣдникъ, и тотъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не понялъ, что сказалъ проповѣдникъ. Спросилъ я того же исправника, когда вы начали говорить поученіе и онъ сказалъ, что все понимаетъ и что вы говорите, какъ латышь“. Я старался убѣдить Суворова, что священникъ знаетъ латышскій языкъ, но неудачно сказалъ свое наставленіе латышамъ оттого, что не обдумалъ его хорошо, а главнымъ образомъ оттого, что смутился увидя васъ. Въ наказаніе священнику за его неудачную латышскую рѣчь Суворовъ посевѣтывалъ мнѣ весь день говорить съ этимъ священникомъ по латышски.

Когда я по дѣламъ службы прїѣзжалъ въ Ригу, то послѣ представленія архипастырю,—обычно представлялся и свѣтлѣйшему князю, если онъ былъ въ Ригѣ. Самъ Владыка желалъ того, чтобы я представлялся Суворову. Князь всегда ласково принималъ меня, обычно разспрашивалъ о моей дѣятельности и особенно о моихъ отношеніяхъ къ нѣмцамъ-лютеранамъ. Не встрѣчая въ то время особыхъ затрудненій въ моей службѣ отъ лютеранскихъ начальниковъ, я обычно объявлялъ князю, что я доволенъ отношеніями ко мнѣ лютеранскихъ свѣтскихъ начальниковъ, чѣмъ былъ очень доволенъ князь Суворовъ. Въ одинъ разъ Суворовъ такъ благосклонно отнесся ко мнѣ, что пригласилъ меня на другой день къ себѣ обѣдать, спросивъ меня,—гдѣ я остановился въ Ригѣ на квартирѣ.

На другой день прискакалъ къ дому родственниковъ моей жены, гдѣ я остановился,—жандармъ, чѣмъ смутилъ хозяйку дома. Оказалось, что жандармъ привезъ мнѣ приглашеніе отъ Суворова—быть у него въ 4 часа пополудни. Къ обѣду приглашенъ былъ Рижскій каедральный протоіерей, за обѣдомъ-же былъ и прибывшій изъ Петербурга братъ генераль-губернатора, сколько помню—Константинъ Аркадьевичъ Суворовъ. Къ обѣду не былъ приглашенъ преосвященнѣйшій Платонъ, какъ мнѣ объявилъ свѣтлѣйшій хозяинъ, потому, что Владыка жилъ тогда на дачѣ и князь не хотѣлъ лишать его дачнаго здороваго воздуха. Эта-ли была настоящая причина неприглашенія владыки къ обѣду, или, можетъ быть, возникло у него какое нибудь

неудовольствіе съ архипастыремъ, я не знаю. Передъ обѣдомъ князь познакомилъ меня съ своимъ братомъ, сколько помню гражданскимъ чиновникомъ, который послѣ обѣда подробно рассказалъ мнѣ о кончинѣ императора Павла Петровича. Въ первый разъ я тогда услышалъ объ этой несчастной кончинѣ Государя. Съ замираніемъ сердца я выслушалъ эту повѣсть князя Суворова.

Выше было сказано, что преосвященный Филаретъ былъ несовсѣмъ доволенъ генераль-губернаторомъ Головинымъ за то, что онъ, поддерживая нѣмцевъ, мало дѣйствовалъ на пользу православія. Но трудно было тогда и совсѣмъ русскому православному начальнику края дѣйствовать иначе. Въ Остзейскомъ краю въ тогдешнее время едва-ли не всѣ чиновные люди были воспитаны въ строгомъ лютеранствѣ и въ полномъ убѣжденіи, что ихъ Остзейскій край есть край нѣмецкій и долженъ оставаться лютеранскимъ. Присоединеніе въ значительной части (около 100000 ч.) лютеранъ латышей и эстовъ къ православію — слишкомъ озлобило господствующій лютеранскій классъ Остзейскаго края и нѣмцы-лютеране всѣми силами, правдами и неправдами старались препятствовать присоединенію крестьянъ къ православію, что, по ихъ мнѣнію, равнялось оруженію ихъ. Генераль-губернатору представлялись самыя вѣскія причины къ тому, чтобы не поддерживать православное духовенство въ его стараніяхъ къ присоединенію лютеранъ къ православію. И генераль-губернаторъ, съ одной стороны побуждаемый Рижскимъ епископомъ устранять затрудненія къ распространенію въ Остзейскомъ краѣ православія, съ другой стороны, — натискомъ огромнаго и сильнаго нѣмецкаго начальства останавливаемый дѣйствовать въ пользу православія, — находился въ непріятномъ положеніи и можетъ быть, самъ желалъ удалиться изъ Остзейскаго края. Преемникъ его свѣтлѣйшій князь Суворовъ всгрѣтилъ можетъ быть еще большее усиліе со стороны Рижскаго епископа устранить затрудненія къ присоединенію къ православію крестьянъ Остзейскаго края и оградить православныхъ отъ притѣсненій сильныхъ поборниковъ лютеранства. Хорошо незнакомый съ положеніемъ православія во ввѣренномъ ему управленіи краѣ и поддерживаемый умными и близкими къ нему лютеранами, онъ, конечно, былъ недоволенъ настойчи

выми, хотя и законными требованіями православнаго епископа и сталъ отказывать ему въ этихъ его требованіяхъ. Преданный святой православной церкви епископъ Филаретъ не перенесъ такого поведенія князя, горько жаловался на него и самъ былъ удаленъ изъ Риги. Мѣсто его занялъ преосвященный Платонъ, дотола бывший епископъ Ковенскій, викарій Литовскій. Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Ригу, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и тамъ, конечно, получилъ инструкціи для своего управленія Рижскимъ викаріатствомъ. Очень ласковый и обходительный не только съ русскими православными, но и съ иновѣрцами, онъ заслужилъ полную похвалу особенно отъ послѣднихъ, съ которыми пресвященный Филаретъ мало имѣлъ и знакомства. Свѣтлѣйшій генераль-губернаторъ, озлобленный противодѣйствіемъ и горькими жалобами на него прежняго епископа Рижскаго, продолжалъ свои дѣйствія не въ пользу православія и при преосвященномъ Платонѣ. Трудно было иногда послѣднему убѣдигъ князя сдѣлать полезное для православія: умѣрить напримѣръ притѣсенія православныхъ хозяевъ отъ помѣщиковъ-лютеранъ, уступить помѣщенія для православной церкви и причта, заставить отвести удобное мѣсто подъ постройку церкви и подъ кладбище и тому подобнос. Преосвященный не хотѣлъ слишкомъ много безпокоить князя своими настоятельными просьбами, не хотѣлъ и жаловаться на него. Все это, по его мнѣнію, не могло привести къ выгоднымъ для православія послѣдствіямъ и какъ онъ самъ выражался, — онъ вынужденъ былъ лавировать предъ княземъ и только такимъ способомъ иногда удавалось ему выпросить у князя что нибудь въ пользу православія. Особенно непріятны были для генераль-губернатора князя Суворова безчисленныя жалобы, приносимыя православными крестьянами обычно черезъ священниковъ на притѣсенія ихъ отъ лютеранъ помѣщиковъ судейскихъ и полицейскихъ чиновниковъ. Жалобы эти, обслѣдываемыя обычно лютеранскими чиновниками, оказывались по лютеранскому суду не только не справедливыми, но даже лживыми; самыхъ священниковъ обычно представляли подстрекателями своихъ прихожанъ къ жалобамъ на лютеранъ и свѣтское лютеранское начальство иногда требовало самихъ священниковъ подвергнуть строгому взысканію за ложное донесеніе. Ко-

нечно, архипастырь защищалъ священниковъ и не подвергалъ ихъ наказанію за принесеніе жалобъ прихожанъ ихъ, притѣсняемыхъ лютеранами за православіе; но безъ всякаго сомнѣнія по настоянію свѣтлѣйшаго князя принуждѣнъ былъ предписать священникамъ принимать и представлять ему только тѣ жалобы своихъ прихожанъ на притѣсненія ихъ лютеранами, въ справедливости которыхъ они сами песомнѣнно убѣдятся. Жалобы на притѣсненія православныхъ лютеранами, конечно, значительно сократились, по все таки еще продолжались, чѣмъ оставался недоволенъ князь, а особенно онъ былъ недоволенъ тѣми священниками, которые продолжали представлять архипастырю подобныя жалобы.

Уже одно прекращеніе принятія отъ православныхъ крестьянъ жалобъ на притѣсненія ихъ лютеранами особенно помѣщиками и пасторами неблагопріятно отозвалось на жалующихся; они думали, что священники не хотятъ защищать ихъ отъ лютеранъ противниковъ православія. Но свѣтлѣйшій генераль-губернаторъ Остзейскаго края, руководимый нѣмцами и по своему расположенію къ нимъ, дѣйствовалъ въ пользу лютеранства и во вредъ православію и обрусенію края. Такъ, сивѣйшаго врага православія, публично въ своей рѣчи на Фетельнскомъ кладбищѣ поносившаго православіе, онъ не только не подвергъ никакому наказанію, но еще представилъ его на должность суперъ-интендента Рижской лютеранской консисторіи, въ каковой должности онъ и былъ утверждѣнъ. Близкихъ преосвященному Филарету и преданныхъ православію лицъ онъ преслѣдовалъ и удалялъ изъ Остзейскаго края. Такъ по его настоянію отданы были подъ судъ кромѣ Лемзальскаго священника бывшій ключарь собора протоіерей Владиміръ Григорьевичъ Назаревскій и Кокенгузенскій священникъ Іоаннъ Васильевичъ Гумилевскій. Въ 1848 году кончался срокъ дозволенія продолжать переписку въ Остзейскомъ краѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Съ этого года, по высочайшему повелѣнію Императора Николая Павловича въ нѣкоторыхъ гражданскихъ установленіяхъ переписка эта должна была производиться на русскомъ языкѣ. Но едва-ли не черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ даннаго срока и едва ли не по напомнанію свыше князь Суворовъ, по внушенію нѣмцевъ,

сталъ ходатайствовать и исходатайствовалъ разрѣшеніе продлить срокъ введенія русскаго языка въ Остзейскомъ краю еще на десять лѣтъ. Въ школахъ Остзейскаго края, особенно въ приходскихъ при настоятеляхъ, русскій языкъ съ малыми исключеніями или преподавался неудовлетворительно, или вовсе не преподавался; учителя приходскихъ школъ при настоятеляхъ, едва-ли даже и знали русскій языкъ, тогда какъ нѣмецкій языкъ преподавался усиленно и обучающихся въ школахъ дѣтей латышей и эстовъ обыкновенно превращали въ нѣмцевъ, что дѣлало ихъ чуждыми Россіи и далекими отъ православія. Чиновники, не только въ гражданскихъ учрежденіяхъ высшихъ и низшихъ, но даже въ канцеляріи губернатора обычно были нѣмцы лютеране, а если какіе изъ нихъ были и русскіе православные, то довольно равнодушные къ усиленію православія въ Остзейскомъ краю и обрусѣнію этого края. Преданные православію чиновники удалялись изъ Остзейскаго края; таковы были Юрій Самаринъ, чиновникъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ, его товарищъ по службѣ и другіе... Многимъ покажется необъяснимымъ, почему князь Суворовъ, коренной русскій, душою преданный престолу и отечеству, такъ много сдѣлалъ въ Остзейскомъ краю для пользы нѣмцевъ-лютеранъ и такъ мало заботился о пользахъ православія и русскаго дѣла. По моему мнѣнію, это можно объяснить слѣдующими соображеніями: 1) Свѣтлѣйшій князь получилъ образованіе и воспитаніе за границей и, конечно, нѣмецкое; поэтому, нѣмецкіе воспитатели и учителя князя безъ всякаго сомнѣнія постарались внушить ему полное уваженіе къ нѣмецкой учености, къ нѣмецкой честности и нѣмецкой аккуратности. Напротивъ, все русское считалось за границую далеко несовершеннымъ, а многое и грубымъ, невѣжественнымъ. Съ такими понятіями являсь въ Остзейскій край и увидя тамъ порядки болѣе похожіе на заграничныя и пайдя тамъ такихъ же нѣмцевъ, какъ и за границей, онъ старался не только поддерживать остзейцевъ въ ихъ стремленіяхъ отдаляться отъ всего русскаго, но и находилъ это стремленіе ихъ вполне одобрительнымъ. Онъ смотрѣлъ на нѣмцевъ какъ на передовыхъ людей русскаго царства и учителей русскаго отечества, поэтому онъ старался поддерживать всѣ остзейскіе порядки, всѣ ихъ

учрежденія и не хотѣлъ вооружать ихъ противъ себя содѣйствіемъ къ присоединенію латышей и эстовъ къ православію. 2) Окруженный умными и образованными нѣмцами чиновниками, онъ былъ увлеченъ ихъ основательными доводами поступать въ дѣлахъ управленія такъ, какъ они того желали, а остзейцы успѣли представить выгодное для нихъ дѣло въ яркомъ свѣтѣ, успѣли убѣдить князя, что то или другое дѣло не только благотвительно для всего управляемаго имъ края, но полезно и для всего русскаго государства. 3) При первомъ же своемъ прїѣздѣ въ Ригу онъ столкнулся съ борцемъ за православіе епископомъ Рижскимъ Филаретомъ, который, не найдя въ князѣ защитника православія, осмѣлился принести на него оффиціальную жалобу въ Святѣйшій Синодъ. Эта, по мнѣнію князя, дерзость епископа не только оттолкнула его отъ самого архипастыря, защищавшаго православіе, но и повліяла на князя невыгодно въ его дѣйствіяхъ на пользу православія. 4) Остзейцы-нѣмцы были возмущены присоединеніемъ къ православію множества крестьянъ-латышей и эстовъ, исповѣдовавшихъ дотолѣ вѣру лютеранскую. Они видѣли, что черезъ присоединеніе коренныхъ жителей въ православіе, — вѣру русскую, — ихъ вліяніе на крестьянъ ослабляется, обращенные въ православіе становятся подъ руководство православныхъ священниковъ, — людей истинно-русскихъ, нежадующихъ остзейскихъ порядковъ.

Чтобы ослабить оскорбленное чувство нѣмцевъ, генералъ-губернаторъ старался сдѣлать для нихъ пріятное и не возбуждать противъ нихъ преслѣдованія за притѣсненія ими православныхъ. Надо думать, что онъ и посланъ былъ въ Остзейскій край для умиротворенія этого края, можетъ быть ему были даны даже инструкціи не озлоблять нѣмцевъ противъ русскихъ. Но безъвсякаго сомнѣнія свѣтлѣйшій князь въ своихъ дѣйствіяхъ переусердствовалъ въ пользу нѣмцевъ-лютеранъ и во вредъ православію.

Въ послѣдній разъ я увидѣлся съ свѣтлѣйшимъ княземъ — Суворовымъ уже въ Костромѣ, куда я перешелъ изъ Рижской епархіи въ 1867 году. Думаю, — это было въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Проѣзжая мимо Костромы, князь захотѣлъ посѣтить кафедральный соборъ. Мнѣ сказали, что какой-то офицеръ желаетъ быть въ соборѣ. Поспѣшивъ въ

соборъ, я на паперти встрѣтилъ знакомаго мнѣ князя. Оба мы удивились, встрѣтя нечаянно другъ друга, и здѣсь князь повелѣ рѣчь о Лифляндіи и съ неудовольствіемъ вспомнилъ преосвященнаго Филарета, бывшаго Рижскаго епископа и священника Стефана Меньшикова. Сколько могъ, я старался защитить ихъ передъ княземъ, но онъ всетаки остался при неодобрительномъ о нихъ мнѣніи. Но за то съ полною похвалою отнесся онъ къ высокопреосвященному Платону, бывшему Рижскому архіепископу.

Однимъ изъ видныхъ дѣятелей для пользы православія и русскаго дѣла въ Остзейскомъ краю можно считать Шафранова. Сколько помню, онъ былъ учителемъ русскаго языка въ Рижской гимназіи и съ своимъ товарищемъ учителемъ Николичемъ относились къ преподаванію отечественнаго языка въ нѣмецкой гимназіи съ полнымъ усердіемъ. Своею строгостью къ ученикамъ нѣмцамъ, недостаточно усерднымъ къ изученію русскаго языка, они вооружили противъ себя нѣмецкихъ начальниковъ и другихъ вліятельныхъ лицъ и, конечно, по стараніямъ послѣднихъ, какъ люди вредные для нѣмецкаго дѣла, — были удалены изъ Остзейскаго края, по удалены были съ честью для нихъ и съ повышеніемъ. Черезъ нѣсколько времени Шафрановъ былъ опредѣленъ управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ, какъ помнится, въ Саратовъ, но не знаю, — по чьему ходатайству онъ былъ перемѣщенъ управляющимъ той-же палатой въ Ригу и здѣсь предложилъ самую благодѣтельную мѣру для православныхъ крестьянъ — хозяевъ, изгоняемыхъ поборниками лютеранства изъ арендуемыхъ ими деревень; онъ предложилъ, чтобы нѣкоторыя казенныя имѣнія, по окончаніи срока аренды на нихъ, были раздѣляемы на участки, достаточные для обезпеченнаго содержанія православныхъ семействъ, потерпѣвшихъ изгнаніе за православіе. Отъ этой мѣры, по мнѣнію Шафранова, — и казна не понесла-бы убытка, и православные крестьяне нашли-бы себѣ удовлетвореніе при потерѣ хозяйствъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Въ казенныхъ имѣніяхъ аренда за землю всегда была несравненно ниже аренды въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. На предлагаемую г. Шафрановымъ мѣру сначала согласился

было и генераль-губернаторъ русскій и православный, по когда посовѣтовался съ правителемъ своей канцеляріи — нѣмцемъ, — послѣдній сильно возсталъ противъ этой мѣры и представилъ генераль-губернатору такіе доводы, по которымъ генераль-губернаторъ измѣнилъ свое рѣшеніе. Когда онъ объявилъ объ отмѣнѣ своего рѣшенія Шафранову, послѣдній, какъ слышно, сказалъ ему: „Видно Вы, Ваше Превосходительство, посовѣтовались съ правителемъ своей канцеляріи“.

Такихъ дѣятелей въ пользу православія и русскаго дѣла, какъ господинъ Шафрановъ, въ Остзейскомъ краю очень не жаловали и господинъ Шафрановъ недолго управлялъ казенными имѣніями въ Остзейскомъ краѣ. Какъ противникъ всему нѣмецкому и лютеранскому и какъ защитникъ православія, по хатайству сильныхъ ревнителей лютеранства, онъ снова былъ удаленъ изъ Остзейскаго края.

Изъ многихъ священниковъ Рижской епархіи, съ успѣхомъ борющихся съ лютеранствомъ, считаю необходимымъ упомянуть объ усопшихъ уже священникахъ — Давидѣ Баллодѣ и Анаіи Дексисѣ. Оба они мѣ были лично знакомы и оба были по происхожденію латыни. Отецъ Давидъ Баллодъ былъ изъ первыхъ крестьянъ латышей, присоединившихся къ православію. До принятія имъ православія онъ принадлежалъ къ числу братьевъ — Гернгутеровъ. Такъ какъ Гернгутеры вели строгую жизнь и не удовлетворялись лютеранскимъ богослуженіемъ, то они собирались для молитвы и наставленія себя въ христіанской жизни въ особыя отъ лютеранскихъ церквей помѣщенія и здѣсь молились, шѣли духовныя пѣсни, читали священное писаніе и слушали наставленія избранныхъ ими самими наставниковъ. Сколько мѣ извѣстно, отецъ Баллодъ былъ изъ числа этихъ наставниковъ. Лютеранскій пасторъ, въ приходѣ котораго находился отецъ Баллодъ, воспрепятлъ эти собранія Гернгутеровъ и, такъ какъ они не исполнили приказанія пастора и продолжали собираться на свои моленія, то наставникъ ихъ Баллодъ потерпѣлъ наказаніе и едва ли не подвергся тюремному заключенію. Въ это время латыши и осты во множествѣ изъявили желаніе принять православіе и тоже многіе изъ нихъ подверглись тюремному заключенію. Гернгутерскій наставникъ Баллодъ тоже примкнулъ къ

желающимъ принять православіе и по выходѣ изъ заключенія немедленно принялъ православіе. Рижскій епископъ, приспомятныи Филаретъ, конечно, по указанію священника, присоединявшаго Баллада къ православію по нравственнымъ его качествамъ и по уваженію, какимъ онъ пользовался отъ крестьянъ, нашелъ его достойнымъ священнаго сана и посвятилъ его во священника къ православной Лаудонской церкви Венденскаго уѣзда. Такъ какъ эта церковь состояла въ моемъ благочиніи, то мнѣ пришлось лично познакомиться съ отцемъ Балладомъ. Это былъ мужъ строгой правственности, мало разговорчивый и вполне уважаемый своими прихожанами, которыхъ у него было до тысячи человекъ. Богослуженіе имъ было отправляемо въ церкви, которая помѣщалась въ временномъ зданіи. Это помѣщеніе было всегда полно при служеніи отца Баллада, который при всякой службѣ говорилъ поученіе латышамъ, а эти поученія произносились имъ съ чувствомъ, съ убѣжденіемъ въ истинѣ православія и привлекали къ православію лютеранъ. Присоединившихся въ его приходѣ къ православію было довольно и тогда, когда въ другихъ православныхъ церквахъ эти присоединенія случались изрѣдка. Отецъ Ананій Декснисъ получилъ полное семинарское образованіе и кончалъ курсъ въ Рижской Духовной Семинаріи—студентомъ. Свой твердый характеръ онъ проявилъ еще будучи семинаристомъ; онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее: когда онъ былъ уже въ послѣднемъ классѣ, его обвинили передъ ректоромъ въ какомъ-то серьезномъ проступкѣ. Отецъ ректоръ хотѣлъ примѣрно наказатъ преступника и, призвавъ его къ себѣ, объявилъ ему такое рѣшеніе: или онъ долженъ потерпѣть тѣлесное наказаніе, или подвергнуться исключенію изъ семинаріи. Ананій Декснисъ объявилъ отцу ректору, что онъ вовсе не виноватъ, въ чемъ его обвиняютъ и никогда не пожелаетъ понести унижительное для ученика семинаріи наказаніе. „Но я прикажу“, возразилъ отецъ ректоръ, „насилно подвергнуть тѣлесному наказанію“. Возмущенный этимъ Декснисъ объявилъ отцу ректору, что онъ каждаго служителя, осмѣливавшагося взять его, кусаетъ, какъ собака. Отецъ ректоръ принужденъ былъ представить преосвященному Платону докладъ объ исключеніи изъ семинаріи ученика Дексниса. Мудрый и

снисходительный архипастырь, разобравъ въ чемъ дѣло, — отклонилъ докладъ отца ректора объ исключеніи способнаго ученика и сказалъ ректору: „а что если вы исключите такого ученика безъ его вины? Вѣдь онъ признаетъ себя невиннымъ и вы не можете представить неопровержимыхъ доказательствъ его виновности, и ученикъ Ананій Декснисъ выпущенъ былъ изъ семинаріи студентомъ.“

По окончаніи курса въ семинаріи Ананій Декснисъ былъ опредѣленъ и посвященъ во священника къ Лезернской церкви Венденскаго уѣзда, находящейся въ моемъ вѣдѣніи, какъ благочиннаго. Въ первое-же мое обозрѣніе этой церкви я увидѣлъ въ отцѣ Ананіи ревностѣйшаго поборника по православію. Онъ усердно занимался съ учениками Лезернской школы, настоятельно внушалъ своимъ прихожанамъ, чтобы они усердно посѣщали православную церковь и не опустительно каждый годъ приступали къ исповѣди и святому причастью, а уклоняющихся отъ сего священнаго долга, требовалъ къ себѣ для личныхъ объясненій и наставленій, требовалъ даже оффиціально черезъ волостные суды и правленія. Судамъ и правленіямъ онъ даже писалъ отношенія въ формѣ предписанія. Похваливъ его усердіе, я однако-же совѣтовалъ ему посылать въ волостные суды и мызныя управленія не предписанія и требованія, а отношенія съ просьбою сдѣлать для него то или иное. „Да какъ-же“, возразилъ мнѣ отецъ Ананій, „лютеранскіе пасторы какъ начальники повелительно требуютъ отъ волостныхъ судовъ и мызныхъ управленій исполненія ихъ приказаній!“. „На лютеранскихъ пасторовъ здѣшніе суды и управленія жаловаться не посмѣютъ, а на насъ православныхъ священниковъ, пожалуются за то, что мы будемъ посылать имъ предписанія“, отвѣчалъ я ему. „При томъ, суду и правленію охотиѣе исполнить непріятныя ему ваши порученія, когда вы будете просить, а не предписывать“. Отецъ Ананій, какъ расположенный ко мнѣ, всегда былъ со мною откровененъ и охотно слѣдовалъ моимъ совѣтамъ.

Лезернскій приходъ былъ очень немногочисленъ и въ немъ дѣла православія шли мирнымъ путѣмъ. Едва-ли въ немъ и были уклоняющіеся отъ правленія. Но вотъ открылось свободное священническое мѣсто въ Залисскомъ приходѣ Вольмарскаго уѣзда и благочинія. Въ этомъ приходѣ,

болѣе многочисленномъ, чѣмъ Лезерскій, было довольно много смѣшанныхъ браковъ, было довольно и уклоняющихся отъ исповѣди и святаго причастія. Тамъ нуженъ былъ дѣятельнѣйшій священникъ и, какъ помнится, по моему указанію высокопреосвященный Платонъ перемѣстилъ отца Ананію къ Залисской церкви и здѣсь онъ проявилъ свою ревность о пользѣ святой православной церкви. Такъ, когда нѣкоторыя лютеранскія женщины, вступившія въ бракъ съ православными, не хотѣли крестить своихъ дѣтей въ православіе, то отецъ Ананія обычно самъ отправлялся къ нимъ, иногда въ очень отдаленныя деревни и убѣждалъ какъ мужей, такъ и женъ, окрещенныхъ уже перминдерами (крестьянами) дѣтей, дозволить ему дополнить это крещеніе св. миропомазаніемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это ему удавалось, но встрѣчался онъ и съ упорными женщинами, которыя ни подъ какимъ видомъ не хотѣли дозволить своихъ дѣтей миропомазывать.

Отецъ Ананій оказывался настоятельнѣе этихъ женщинъ и обычно, послѣ долгихъ наставленій и убѣжденій, ему удавалось сообщить новокрещеннымъ дѣтямъ дары Святаго Духа черезъ миропомазаніе. Одна женщина, не смотря на долгія убѣжденія священника, не хотѣла дать ему миропомазать свое дитя; тогда отецъ Ананій объявилъ упорной женщинѣ, что онъ не уйдетъ изъ ея дома, пока она не дозволитъ ему миропомазать ея дитя. Между тѣмъ продолжалъ убѣждать женщину. День уже клонился къ вечеру и женщина наконецъ согласилась уступить священнику. Но этотъ случай подалъ поводъ ревнителямъ лютеранства обвинить отца Ананія Декснуса въ томъ, что онъ былъ яко-бы причиной болѣзни новородившей женщины и самого дитяти, который дѣйствительно вскорѣ послѣ миропомазанія умеръ. Въ жалобѣ на священника сказано было, что онъ кричалъ на женщину, стаскивалъ съ ней ея покрывало и насильно вырывалъ у нея дитя. Назначено было слѣдствіе, которое вовсе не подтвердило жалобы на отца Ананія, и онъ признанъ былъ совершенно невиновнымъ.

Когда вышло распоряженіе правительства о томъ, чтобы при смѣшанныхъ бракахъ латышей и эстовъ не брать отъ лютеранскаго лица подписки о крещеніи и воспитаніи дѣтей отъ такого брака въ православіи, отецъ Ананія, какъ

и нѣкоторые другіе, вовсе перестали совершать смѣшанные браки. Лютеранскіе пасторы, дотолѣ противившіеся смѣшаннымъ бракамъ, послѣ означеннаго распоряженія правительства, стали поощрять такіе браки, и не дожидаясь свѣдѣній отъ православнаго священника, стали оглашать о желаніи вступить въ бракъ извѣстныхъ лицъ въ своихъ церквахъ и выдавать предбрачныя огласительныя свидѣтельства кому слѣдуетъ. Отецъ Анапія, не смотря на такія свидѣтельства, не вѣнчалъ оглашенныхъ въ лютеранскихъ церквахъ лицъ. На него посыпались жалобы отъ ревнителей лютеранства, но не смотря на нихъ, твердый отецъ Анапій, настаивалъ на своемъ и не хотѣлъ вѣнчать смѣшанные браки ко вреду православія. Не вѣнчалъ онъ этихъ браковъ даже и тогда, когда по хадатайству вліятельныхъ лютеранъ вышло Высочайшее повелѣніе, чтобы смѣшанные браки были совершаемы безъ отобранія подписокъ отъ лютеранскихъ лицъ о крещеніи и воспитаніи дѣтей отъ свихъ браковъ въ православіи. Когда новыя и настоятельныя жалобы лютеранъ на отца Анапія достигли епархальнаго начальства и оно потребовало отъ него объясненія по сему случаю, то священникъ Анапій Дексинсъ далъ такое объясненіе: онъ не совершаетъ и не будетъ совершать смѣшанные браки, какъ противныя правиламъ вселенской церкви. Если-же они были совершаемы имъ ранѣе, то совершались со взятіемъ отъ иновѣрныхъ лицъ подписокъ о крещеніи и воспитаніи имъ своихъ дѣтей въ православіи. А такъ какъ эти подписки нынѣ отмѣнены, и лютеранскія лица, вступающія въ бракъ съ православными, станутъ крестить и воспитывать дѣтей въ лютеранствѣ, то и онъ, какъ вѣрный служитель православной церкви, не долженъ и не можетъ по своей священнической совѣсти совершать такіе браки. Къ тому еще смѣлый отецъ Анапій прибавилъ, что онъ не можетъ допустить, чтобы высшее правительство въ русскомъ православномъ государствѣ издало распоряженіе очевидно вредное для святой православной церкви, господствующей въ русскомъ государствѣ. Рижское епархальное начальство поставлено было объясненіемъ Залискаго священника въ большое затрудненіе. Ему приходилось налагать наказаніе на священника за такую ревность о пользѣ святой православной церкви.

Высокопреосвященнѣйшій Платонъ (это было, думаю, въ 1865 году), обозрѣвъ нѣкоторыя церкви Венденскаго благочинія, пригласилъ меня съ собой при обозрѣннн имъ церковей Вольмарскаго благочинія; обозрѣлъ онъ со мною и Залисскую церковь. Здѣсь именно и произошелъ тотъ случай, о которомъ я упомянулъ кратко въ своихъ воспоминаніяхъ о Высокопр. Платонѣ ¹⁾. Послѣ обычной встрѣчи архипастыря, Владыка говорилъ латышамъ наставленіе быть твердыми въ православной вѣрѣ. Это наставленіе его, произносимое архипастыремъ по русски, однимъ изъ священниковъ было переведено на латышскій языкъ. По окончаніи наставленія архипастырь спросилъ прихожанъ, довольны-ли они своимъ священникомъ. Помнится, двое изъ прихожанъ заявили свое неудовольствіе на него, едва-ли не на то, что священникъ не дозволилъ имъ умершихъ ихъ родственниковъ похоронить на ближайшемъ отъ ихъ селенія лютеранскомъ кладбищѣ, а потребовалъ, чтобы они похоронены были на православномъ кладбищѣ. Архипастырь, проѣхавши значительное число верстъ въ этотъ день и имѣющій проѣхать еще болѣе значительное число верстъ, не потребовалъ при жалующихся-же объясненія отъ священника, и сказалъ имъ только, что мы разберемъ дѣло и подвергнемъ виновнаго взысканію. Когда послѣ обозрѣнія церкви владыка прибылъ на квартиру священника, приготовившаго для него трапезу, то отецъ Анавій въ запальчивости объявилъ владыкѣ: „Вы, Владыка святой, предъ прихожанами сняли съ меня голову; снимайте съ меня и яску, я вамъ болѣе не священникъ!“ И не смотря на успокоенія Владыки, отецъ Анавій настаивалъ на своемъ: „снимайте съ меня яску. Вы безъ всякаго суда и слѣдствія безъ всякаго моего объясненія предъ всѣмъ приходомъ обвинили, осрамилн меня, какой-же я имъ буду пастырь, какое довѣріе будутъ имѣть ко мнѣ прихожане, мои духовныя дѣти; нѣтъ, я имъ болѣе не пастырь, снимате съ меня яску!“ Своею пылкою настойчивостью отецъ Анавій прогнѣвалъ архипастыря, который немедленно и отправился далѣе, оставивъ меня съ отцемъ Ананіемъ. Послѣ Залисской церкви слѣдовали уже церкви Перновскаго благочи-

¹⁾ См. Б. В. 1897 г. январь, стр. 118.

нiя, въ которомъ проживали уже эсты, мнѣ совсѣмъ незнакомые. Послѣ долгихъ и братскихъ моихъ убѣжденiй отца Ананiя, мнѣ удалось поуспокоить его и онъ уже послѣ того оставилъ намѣренiе снять съ себя рясу, а милостивѣйшiй архипастырь, какъ я говорилъ, не только не подвергъ отца Ананiя взысканiю по жалобѣ на него двухъ его прихожанъ, но по моему словесному представленiю наградилъ его набедренникомъ.

Къ горькому сожалѣнiю, дѣятельнѣйшiй пастырь Ананiя Декнисъ недолго прослужилъ пользѣ святой церкви. По удаленiи моемъ изъ Рижской епархiи, онъ ослабѣлъ силами, слегъ въ постель и скончался. Преданные православию его прихожане съ сердечнымъ прискорбiемъ проводили его въ могилу. Миръ тебѣ, добрый подвижникъ за святое православіе въ иновѣрномъ краю!...

Протоіерей Іоаннъ Постѣловъ.

16 декабря 1896 г.
Кострома.
